

Зелёная рубашка в полосочку

Евгения Максимова

Евгения Максимова

Зелёная рубашка в полосочку

«Автор»

2026

Максимова Е.

Зелёная рубашка в полосочку / Е. Максимова — «Автор», 2026

Как принять смерть того, кого выбрало сердце, если пламя надежды не гаснет? Война закончилась, но не для Анны. Её муж так и остался в страшном списке пропавших без вести. Нет могилы, чтобы поплакать, нет тела, чтобы похоронить, есть только слепая, выматывающая душу надежда. Чтобы выжить в послевоенной разрухе и поднять детей, Анна учится прятать свою боль глубоко внутри. Сможет ли она когда-нибудь снова почувствовать себя живой? И имеет ли право на это счастье солдатская вдова? «Зелёная рубашка в полосочку» — это пронзительная история о любви, которая не умирает, и о мужестве жить дальше, когда, кажется, жизнь уже закончилась.

Содержание

Пролог	5
Анна	6
Часть 1. Два месяца	7
Часть 2. Обновка	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгения Максимова

Зелёная рубашка в полосочку

Пролог

Он открыл глаза. Вдалеке уже вновь слышались глухие звуки авиаударов. *«Мир без войны... Какой он? Я и не помню уже. Неужели когда-то я просыпался от чуть слышных шагов жены по избе и запаха свежеспечённого хлеба? Да, было... Только очень давно.»*

Он встал и, одеваясь, пытался вспомнить строки стихотворения, услышанного вчера вечером на полевым концерте, но не мог, только название – «Мир без войны». Зато он детально помнил жену. Цвет глаз, форма губ, волосы. Её красивые длинные волосы с золотистым отливом. Помнил, как вечерами она долго-долго их расчёсывала, а потом сплетала в косу перед сном.

Одевшись, он вышел на улицу. На востоке занималась заря, было холодно и туманно. Он прошёл по свежевыкопанной траншее до первого блиндажа. Он знал – Крайнов уже там. Все знали, что семья Крайнова на оккупированной территории, и связь с ними он потерял полгода назад.

– Уже бомбят?

– Бомбят, сволочи, – глубоко затянувшись, ответил Крайнов.

Он сел рядом и тоже закурил. *«Как они там? Витя и Рая уже совсем большие – помогают ей. Вот только Валечка меня, наверное, совсем не помнит уже, а Шуру я и вовсе не видел – он родился в декабре.»* Он вынул из нагрудного кармана конверт, который получил вчера. Это было особенное письмо, потому что кроме весточки из дома жена прислала фотографию.

– Как там жизнь в тылу, Василий? – тихо спросил Крайнов, завидя конверт.

– Пишет, что ничего, держатся... Знамо, расстраивать не хочет...

– Знамо... – закачал головой Крайнов и отвернулся.

Василий развернул лист, в который был вложен снимок. Он был чёрно-белый, но, несмотря на это, Василий тут же вспомнил зелёную юбку жены и такую же зелёную, но в белую полоску свою рубашку. Вспомнил тот миг, когда он был сделан. Василий точно знал, что в тот момент он был счастлив, но фотография казалась ему ненастоящей. Как будто из того «мира без войны», которого он не помнил. Его мысли прервал запыхавшийся сержант Кузнеченко, уже немолодой, но крепкий крестьянин.

– Что, мужички, ждёте? Близо слыхать?

– Слыхать-то слыхать. Только не долетят до нас сегодня – уж больно день хорош для смерти, – усмехнулся Крайнов, откинувшись на сырую землю и заложив руки за голову. – Подождём ещё.

– Типун тебе на язык, Крайнов. Упаси бог, – перекрестился Кузнеченко, садясь рядом.

Солнце уже совсем встало. Все молчали – каждый думал о своём: о доме, семье, жене, детях, о такой желанной и такой далёкой, а для кого-то и несбыточной встрече с родными. Сквозь тяжёлый утренний воздух слышались звуки приближающихся самолётов с тыла. Там и здесь посыпались крики «Ложись!», «В укрытие!», а Василий только успел закрыть голову руками, и в ней промелькнула единственная важная для него мысль: «Анна».

В живых осталось семеро – его среди них не было.

Анна

Средь океана траурных косынок
казалась мне моя черней других.

Часть 1. Два месяца

Анна открыла глаза. Скрипнув панциркой, она потянулась к окну и приоткрыла расширенные задергушки. На востоке занималась заря. *«Время утренней дойки, пора»*. Она тихо встала, дети спали. Неслышными шагами кошки Анна прошла в чулан и прикоснулась к чугуну с постельными щами: *«Ещё теплые. Наедятся»*. И также неслышно выскользнула в сени. Услышав её шаги, корова замычала.

– Тихо, Жданка, тихо. Сейчас.

Во дворе Анна остановилась, о чем-то долго думая. Потом открыла ворота, деревянный засов которых неприятно проскрежетал по некрашенным доскам двери, и вышла на улицу. Солнце едва оторвалось от горизонта, начиная свой дневной путь в туманном мареве. Анна взглянула в небо, возвышающееся над миром без войны вот уже пять лет, и прошептала:

– Помню.

И впервые с того дня слово это принесло лишь лёгкую горечь, которую достаточно было сглотнуть, чтобы она исчезла. Восемь долгих лет прошло, пока надежда болью не выжгла сама себя из истерзанной души Анны. Теперь это была лишь тихая память, которой Анна наконец могла управлять.

Она вернулась во двор, плеснула тёплой воды из бани в доёнку и повязала чёрный платок для дойки. Неделию назад, подоив вечером корову, Анна повесила его на гвоздик, и теперь он был только для дойки. Он, как старый охотничий пёс, отслужил свою службу: восемь лет он верно следовал за нею везде – на ферму и на покос, на службу и в лавку, на поминки и в гулянку. И лишь ночью сворачивался у ног в ожидании следующего дня. В тот вечер Анна окончательно решила, что больше не повяжет его. Своё она отскорбела.

Корова нетерпеливо стригла ушами, когда Анна вошла в хлев, и требовательно тыкалась мокрой мордой в карманы халата в ожидании привычного куска хлеба. Потрепав её по чёрно-белому загривку, Анна отдала положенный Жданке хлеб и после всех обычных процедур приступила к дойке. Жданка, обычно не норовистая, сегодня брыкалась, бойко топая задними ногами.

– Ну чего ты? – захмурилась сначала Анна, но потом вспомнила, что Жданка находилась в «интересном положении». – Знаю, тяжело тебе, но потерпи ещё немного – всего два месяца, – нежно погладила она округлившиеся пятнистые бока.

Жданка тяжело вздохнула и, поддавшись уговорам своей хозяйки, позволила ей продолжить. Струйки молока ритмично зазвенели по металлическому дну доёнки, отчеканивая солдатский марш: «Раз. Два. Раз. Два. Раз. Два...» Размеренные звуки, тонушие в пене парного молока, уносили разум Анны в прошлое, туда, где время для неё замерло.

... *«Целых два месяца не было письма от него, но думы свои пугливые я отгоняла как могла. Война шла. Могло всё что угодно случиться: затерялось где-то, в окружении или почтальона убили. Бумаги нет, в конце концов. Напишет, я знала, я чувствовала, что живой мой Васенька.»*

А потом мы с бабами с поля возвращались – сено трясли после дождей. Глядь – Валечка мне навстречу бежит. Я смотрю на неё – такая она у меня худенькая, думаю: «Надо лопуха ей заварить: не приведи бог, кто завелся». А она такая весёлая, босая, скачет, как козочка, и кричит мне: «Папанька бумажку прислал, бумажку прислал!» Никак она не могла слово «письмо» запомнить. Смотрю – в руке у неё заветный треугольник – потрёпанный, грязный, строчки потекли. Ну вот, дождалась, не обмануло сердце любящее! Схватила я её на руки, а она чумазая вся, голодная, но такая она в тот миг хорошенькая была и так на отца похожа.»

Сели с ней на лавочку у дома – скорей прочитать хотелось. Бабы тоже домой заторопились – все вестей заждались. Смотрю – листок обычный тетрадный, но строчки хоть и растеклись, а как будто не мой писал – буквы другие, красивые, что ли, какие-то. Развернула, даже и не думала, что такое может быть – чужой рукой, красивыми буквами, без бланка пришла беда в мой дом – извещение: Прохоров Василий Осипович пропал без вести. И солнце для меня погасло как будто. Посидела ещё, Валечка всё истории мне какие-то рассказывала, а я не слышала и не видела ничего. «Нет, нет, не может быть! Знай, ошибка!»

Часть 2. Обновка

Жданка слегка хлестнула хозяйку хвостом, давая понять, что ритуал затянулся и нужно поторапливаться. Заслышав колокола с ошейников соседских коров, Анна наконец смогла выбраться из вязких воспоминаний, так легко затягивающих ее в прошлое, подобно зыбучим пескам.

Отогнав корову к стаду, она остановилась в кружке баб, чтобы обменяться утренними новостями с соседками, весело смеющимися над чем-то.

– Анка, ты слыхала – к тете Польке на постой мужичонка подселился? Худой, угрюмый, без фуражки ходит, а глазищи как у собаки побитой.

– Не видала, – соврала Анна, потому что не просто видела его, а даже успела с ним перебраться парой слов, когда он подвез её уставшую с курятника на подводе.

– Не Васька ли твой? – колко спросила Галька, злобная баба. Муж Гальки вернулся с войны и бил её безбожно, как, впрочем, и до войны. Бабы жалели её, конечно, но за глаза все понимали, почему. Галька была жестокосердной и завистливой и до замужества, и до войны. Одному богу известно, сколько добрых девичьих имён было запачкано Галькиными грязными сплетнями. Сколько судеб было разрушено. И никакие жизненные перипетии оказались не в силах изменить её характер. Вот и теперь она вызывающе гордилась возвращением мужа и не упускала возможности влезть под кожу всем солдатским вдовам.

– Мой бы без фуражки ходить не стал – чуб-то в глаза лезет, – отшутилась Анна, хоть и сердце на секунду сжалось.

– Гришка сказал – знай, дезертир, а то и немец беглый, – продолжала Галька.

– Гришка твой тебе все мозги выбил, дура, – отрезала баба Машка, острая на язык старуха-соседка. Баба Машка была совершенно одинокая, но не злая старая дева.

На этом они со смехом разошлись, и Анна заторопилась проведать отца. Она с самого детства была близка с ним, а после смерти мамы так и вовсе ежедневно забегала навестить своего угрюмого, но доброго старика.

– Здоровеньки будете! – крикнула Анна, завидев отца у двора. – Как здоровьице?

– Да какое здоровье у старика, Аннушка? – пожаловался отец, но из-под кустистых серебряных бровей весело глянул на неё. – Погляди лучше обновку мою! – он бойко постучал всё ещё крепкой рукой по новой, свежего дерева лавочке, приглашая Анну присесть.

– Красивая! А как ладно сделана! – Анна присела и провела рукой по смолистым доскам.

– Это мне приезжий сделал. Ну, тот, что у Польки квартирует. Плотником, говорит, был до войны, вот и состряпал.

– Добротная... – чуть покраснела Анна. – Только некогда мне, бать! Потом посидим!

– Ну беги, беги! – улыбнулся старик и привычно погладил Анну по голове. – Платок, гляжу, сменила... Этот тебе больше к лицу...

По дороге к дому Анна стянула платок, позволяя прохладному утреннему ветерку тоже погладить её голову. Выбившиеся за ночь из косы пряди вились у лица, искрясь на солнце не привычным золотом, а уже заметным серебром седины.

... *«Спрятала я тот треугольник. Не мог он быть правдой! Не мог! Всем сказала, что чужое мне письмо пришло. И потянулись бесконечные дни ожидания, провожания взглядом почтальона, который каждый раз проходил мимо.*

Батя сперва молчал, всё спрашивал – нет ли вестей. А потом прикрикнул на меня – понял, что таю что-то. Пришлось мне тогда письмо показать. Прочитал, говорит: «Может, и ошиблись, а вернее всего, пал твой Васька смертью храбрых». Погладил меня по голове и ушёл. Вот так они, мужики, горюют.

А я не верила, ждала. В самые тяжёлые последние два года войны только надежда и не давала нам с ребятами с голоду помереть. И горевать-то было некогда. А потом мужики домой стали возвращаться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.